

BORUN
Куп

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

BORUH BORUH

КуАр

<https://litres.ru/74669243>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Стурланде закон велит писать публичные надписи только на Высоком языке, без перевода. Делец с острова Тортуга Киба понимает: если текст всё равно никто не прочтёт, он должен быть безупречным, а работать будет картинка. Так появляется КуАр — фирма с безукоризненным уставом, платой «за прекрасных дам» и растущим числом противников: от банков и чиновников до целого государства. Ироничная история о том, что бывает, когда закон наводит порядок слишком буквально. Книга цикла «Мир Тортуги-на-Скалах».

Содержание

Вступление	4
Глава 1. Регистрация	7
Глава 2. Переводчица	13
Глава 3. Веранда на четверых	17
Глава 4. Дети Бишопа	20
Глава 5. Вексель	28
Глава 14. Первые всходы	31
Глава 15. Франшиза на колёсах	33
Глава 16. Первая проба	36
Глава 17. Выставочный сезон	38
Глава 18. Второго шанса не будет	41
Глава 19. Парус	43
Глава 20. Проседание	49
Глава 21. Про запас	52
Глава 22. Конфликт с подрядчиком	55
Глава 23. Карта	57
Глава 24. 24 часа	61
Глава 25. Мода на силуэт	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

BORUH

КуАр

Вступление

В Стурланде Киба оказался по совершенно другому поводу и к вечеру уже собирался забыть об этой стране до следующей поездки.

Он сидел у стойки бара недалеко от гостиницы, ждал ужин и лениво листал новости. За стойкой негромко работал телевизор. Какой-то чиновник говорил о защите Высокого Стурландского, сохранении языковой чистоты и новых правилах использования иностранных языков.

Киба слушал вполуха, пока не понял, что именно изменилось.

Теперь в публичном пространстве Стурланда всё следовало писать на Высоком. И только на Высоком. Перевод рядом — нельзя.

Киба перечитал новость.

Потом оглянулся.

За соседним столом трое моряков пытались заказать ещё пива. Один объяснялся жестами, второй знал по-стурландски несколько слов, третий говорил довольно бойко, но был уже в том состоянии, когда чтение на любом языке требова-

ло неоправданных усилий.

Киба снова посмотрел на экран.

То есть написать можно.

Прочитать это никто не обязан.

Более того, те, для кого такая надпись действительно могла предназначаться, скорее всего, её и не прочитают. Иностранцы Высокого не знают. Пьяным не до чтения. А написать рядом на понятном им языке теперь нельзя.

Получалась странная задача.

Текст должен быть — потому что так положено.

Но работать должен не текст.

Киба посмотрел на телефон одного из моряков. Тот уже нашёл нужную картинку в меню и тыкал в неё пальцем, объясняя бармену, чего хочет.

— Ну конечно, — сказал Киба.

Бармен поднял глаза.

— Что?

— Ничего.

Киба отодвинул бокал.

Если текст всё равно никто не будет читать, его можно написать как угодно сложно. Главное — правильно. Безупречно правильно. Так, чтобы к нему не мог придаться человек, которому по должности положено его читать.

А тому, кому всё это на самом деле предназначено, текст вообще не нужен.

Ему нужна картинка.

И способ ткнуть пальцем.
Киба достал ноутбук.

Глава 1. Регистрация

Домой, на Тортугу, Киба вернулся не сразу. Идея зацепилась у него в голове ещё в Стурланде, в тот самый вечер в баре, но додумывать её в одиночку он не собирался. Без совета Деда он не рискнул бы ввязаться в историю настолько непредсказуемую, а вопросы регистрации на Тортуге, вдобавок, решались на порядок быстрее и доброжелательнее к законопослушному коммерсанту, чем дома. Решение вернуться далось легко. Сложнее было решиться на сам разговор.

Контору Деда трудно было назвать конторой. Скорее — верандой с видом на порт, заставленной старыми деревянными ящиками, которые никто уже лет десять не собирался ни разбирать, ни выбрасывать. Что в них лежало на самом деле, не знал никто, а версий по городу ходило ровно столько, сколько находилось желающих их выдвигать: кто-то уверял, что это тара из-под фруктов, оставшаяся с тех времён, когда веранда была конторой торговца; кто-то — что ящики армейские, из-под снарядов, а клейма затёрты нарочно; находились и такие, кто на голубом глазу утверждал, что им место в музее какой-то из местных гражданских войн, только вот какой именно — уточнить не брался никто.

По порту, кроме того, давно ходил слух, что в одном из этих ящиков — том, что в самом углу, придавленный тремя другими, — лежит настоящий пулемёт «Максим» и пара сна-

ряжённых лент к нему, ещё с каких-то совсем других времён. Слух этот пересказывали десятилетиями, обрастая подробностями, но ни один человек, который мог бы подтвердить или опровергнуть его собственными глазами, почему-то так никогда и не находился. Сам Дед на эту тему не высказывался никогда — ни подтверждал, ни отрицал, и одним своим молчанием слух только укреплял.

Неподалёку жила пара — мистер и миссис Барроу. Эмили прибиралась у Деда по хозяйству, муж возился в саду и чинил по мелочи всё, что ломалось. Обычные соседи, из тех, что заходят без звонка и уходят без прощаний. Что при случае оба умели изобразить вышколенную прислугу в чопорном коронном стиле — да так, что комар носа не подточит, — знали немногие.

Сам Дед сидел там же, где сидел всегда — в плетёном кресле, вросшем в половицы, с очками на кончике носа и газетой недельной давности, которую держал скорее для вида, чем для чтения.

Кто он такой на самом деле, в Тортуге не знал никто — и, что характернее, никто не спрашивал вслух. Портовые чиновники, приходя за подписью, звали его уважительно, по имени-отчеству, которое отчего-то каждый раз звучало чуть иначе. Люди определённого рода занятий, заходившие по вечерам и говорившие тихо, обходились одним слогом — и на этот слог Дед отзывался мгновенно, без единого лишнего вопроса.

Для Кибы он всегда был просто Дедом. Не то родственником, не то бывшим учителем — то ли из школы, то ли из заведения, которое школой назвать язык не поворачивается, хотя чему-то там всё равно учат. Сам Киба этим вопросом не задавался уже давно: какая разница, если человек умеет слушать и умеет считать, а оба этих качества — редкость.

— Дед, — сказал Киба, падая в соседнее кресло без приглашения, как делал всегда, — я тут навывдумывал всякого. Разочаруй меня.

Дед не спеша сложил газету, снял очки, протёр их о край рубашки — жест, означающий, что разговор предстоит серьёзный, — и снова надел, не сказав ни слова. Просто кивнул: рассказывай.

Киба рассказал. Про Стурланд, про закон о языке, про Высокий. Идея была простой и от этой простоты — оглушающе бессовестной: плакат, зовущий и манящий, где ясно и чётко, на самом настоящем Высоком языке, в полном соответствии с законом, написано, на что фирма собирает деньги. QR-код внизу — для тех, кто захочет перечислить. Собранные тратятся ровно на то, что заявлено — на развлечения красивых женщин, — с минимум пятью процентами, положенными законом на административные расходы, и ни копейкой больше. Налоги платятся. Устав соблюдается от первой буквы до последней. Рассказывал он быстро, перебивая сам себя, забегая вперёд, а под конец, привстав с кресла, будто уже стоял посреди той самой бани, произнёс фразу, которую явно

обкатывал про себя не первый день:

— И вот я захожу, громко, при свидетелях, и говорю: моя фирма готова потратить тысячу пиастров на развлечения красивых женщин. И в этом вся соль, Дед. Я никого не обманываю. Ни единой души. Люди платят — им прямым текстом написано, на что. Женщины развлекаются — на эти самые деньги, рубль в рубль. Комар носа не подточит, потому что не к чему подтачивать.

Дед слушал молча. Только раз, на моменте про баню, позволил себе едва заметно усмехнуться — будто вспомнил что-то своё, давнее.

Когда Кибя закончил, на веранде повисла та самая пауза, которую Дед всегда держал перед важным.

— Молодой ты ещё, — сказал он наконец, глядя куда-то в сторону моря. — Тема интересная. Прямо скажу — интересная. Но не подумав, такие дела не делаются. Никогда так не делались. Ты думаешь: я придумал, я и сделаю, один. Надо готовиться. Команду собирать. План составлять.

— А как делаются?

— Сходи туда, сходи сюда, — Дед махнул рукой в сторону моря, будто там, за проливом, и находилось это «туда» и «сюда». — Поговори с правильными людьми. Есть у меня на примете такие, что с бумагами творят вещи, до которых ни одна инспекция не докопается. Сам ты бумажки писать не мастер — придумаешь идею и разведёшь руками. А юрист нужен настоящий. Чтобы с самого начала держал за руку и

на каждое твоё «а давай ещё вот так» переспрашивал: с этого места поподробнее, я записываю. Остальные — так, погулять вышли. И запомни: даже плохой план, составленный и выполненный, лучше, чем никакого плана.

— И где такого юриста найти?

Дед посмотрел на него долгим взглядом — так смотрят люди, знающие ответ заранее, но желающие, чтобы собеседник дошёл сам.

— Найдётся, — сказал он коротко. — В этом городе на такие дела люди сами находятся, только успевай не спугнуть. Иди в контору, оформляй фирму. А я подумаю, с кем тебе стоит поговорить.

У двери Киба обернулся:

— Дед, а название какое посоветуешь?

Дед не поднял глаз от газеты.

— Твоя затея — твоё и название. Как лодку назовёшь, так она и поплывёт. Куда вывезет — мне самому интересно.

Глава 2. Переводчица

Документы Киба оформлял не день, как рассчитывал, а полтора — виновато в этом было название.

Выбрал он его не думая долго, будто оно давно сидело в голове и ждало своего часа. Написал не на тортугском и даже не на бытовом стурландском, а сразу на Высоком — том самом, парадном, том, что и был всей сутью затеи. По незнанию тонкостей он вписал «за прекрасных дам» в возвышенном смысле, как «во имя», торжественной вязью официальных окончаний, которые в живой речи не употребляет уже никто, кроме дикторов государственного телевидения в момент особо торжественных объявлений.

Клерк регистрационной палаты, приняв бумаги, долго вертел их так и эдак, шевелил губами, разбирая хотя бы половину, и наконец со вздохом облегчения произнёс фразу, которую тортугские чиновники повторяли в подобных случаях с завидной регулярностью:

— Нужен переводчик. У нас как раз дама прикомандирована со Стурланда, по обмену опыта с языковой инспекцией. Специалист по древним и исчезнувшим языкам, но и Высокий разберёт — говорит, он из той же группы, что тортугский, только это как сосед через забор: вроде одна семья, а слова через два на третье не узнаёшь. У них в этой группе один язык уже вовсе кончился — прусский, слышали? Было

государство, был язык, а теперь только в архивах да в её докладах. Так что Высокий на этом фоне ещё вполне бодрячком.

Так на веранде регистрационной палаты появилась она.

На визитке значилось чинно: Хельга ван дер Ляйде, консультант по историко-лингвистическим вопросам при Языковой Инспекции Стурланда. В обиходе — просто Переводчица. Невысокая, с прямым, чуть насмешливым взглядом и той особой искоркой, которая у одних людей означает «мне скучно», а у других — «мне сейчас будет очень весело».

Она пробежала глазами по вязи быстрее, чем клерк успел бы прочесть заголовок, — и нахмурилась.

— «Во имя прекрасных дам», — прочла она вслух и покачала головой. — Так не пойдёт. Возвышенный оборот, красиво звучит на слух, но применительно к коммерческой деятельности только навредит.

— А как надо?

— «За», — сказала она твёрдо. — В буквальном, коммерческом смысле: деньги за услугу, оплата, оказание помощи третьему лицу. Не «во имя», не «ради» — эти обороты сами напрашиваются на Высоком, но именно они создают ту двусмысленность, которой вам стоит избегать любой ценой. Заплатили — за. Потратили — на то же самое. Никакого благотворительного тумана. Сила вашей будущей защиты — если до неё дойдёт — в том, что название не оставляет простора для двойного толкования.

Клерк, ничего не понявший, но проникшийся, старательно записал.

— А ещё что посоветуете?

Она посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— Пропишите в уставе отдельным пунктом порядок определения получателей. Иначе первый же дотошный проверяющий спросит: а судьи кто? Кто решает, какая дама достаточно прекрасна, чтобы попасть под уставную цель? Если это на усмотрение руководства — оформите как полномочие, а не как факт. Разница на бумаге небольшая, но именно на ней всё и будет держаться.

— Может, бросите инспекторскую богадельню и к нам, в палату? — вклинился клерк. — Нам такие кадры позарез нужны, и оклад приличный.

Переводчица улыбнулась ему вежливо, но так, что стало ясно: ответ отрицательный.

Киба понял, что момент его.

— А у вас есть мечта? — спросил он, поднимаясь. — Пойдёмте выпьем кофе, вдруг я как раз тот, кто поможет вам её приблизить.

Вопрос, который должен был прозвучать нелепо, отчего-то не прозвучал.

— Пойдёмте, — согласилась она, неожиданно для себя самой.

О чём они говорили за тем кофе, доподлинно неизвестно: разговор прошёл без свидетелей, и даже сам Киба позже

отделялся уклончивыми фразами. Известно одно — вечером того же дня он уже вёл Переводчицу знакомить с Дедом.

Глава 3. Веранда на четверых

Пока Киба обхаживал Переводчицу за кофе, к Деду на веранду — без предупреждения, но и без всякой неожиданности, будто заходил сюда десятки раз, — явился человек столь благообразного вида, что случайный прохожий принял бы его за судью в отставке. Звали его все, включая самого Деду, уважительно и полностью, по имени-отчеству. Так его в этой истории пока и будем звать — Столп Юриспруденции, за неимением лучшего.

Дед рассказал ему про затею Кибы — неторопливо, ничего не упуская. Столп слушал, изредка хмыкая, и когда Дед закончил, покрутил в пальцах чашку.

— Гимнастика ума. Чистой воды. Всё на самой грани — а притягательно, чертяка.

— Придумать — это одно, — заметил Дед. — Довести до ума — другое.

— Жаль, не по двадцать нам с вами лет, — Столп покачал головой. — Отжали бы идею как следует. А теперь остаётся со стороны любоваться да советы давать, чтобы молодёжь себе шею не свернула раньше времени.

В этот момент на веранде появился сам Киба, довольный собой сверх всякой меры, а следом — Переводчица, идущая с настороженным любопытством человека её профессии в незнакомом помещении.

— Дед, смотри! Я тебе юриста нашёл! Хельга — а как там тебя полностью?

Она вместо ответа сделала лёгкий, чуть насмешливый книксен — ровно настолько театральный, чтобы стало ясно: это не подобострастие, а шутка над самой ситуацией.

Дед мельком глянул на неё, потом на Кибу, и произнёс с интонацией куда более будничной, чем тот рассчитывал:

— Ну выбрал и выбрал. Сам теперь с этим выбором и му-чайся.

Он повернулся к Столпу.

— Подстрахуешь?

— Ок, — коротко отозвался тот.

— Вот и славно, — Дед махнул рукой в сторону дальнего конца зала. — Идите, дети, куда шли. Не мешайте дядькам о судьбах мира печалиться.

Даже фамилию у Хельги никто так и не спросил.

— Ну и всё, что ли? — тихо спросил Киба уже на выходе.

— Похоже на то, — она пожала плечами. — Пойдём, план сам себя не составит.

Дед и Столп посмотрели друг на друга молча. Что-то невысказанное повисло между ними — не то согласие, не то узнавание чего-то давно знакомого обоим, — и оба едва заметно кивнули, не облакая это в слова. А затем вернулись к чаю и к неспешному брюзжанию о том, что нравы нынче упали, а мир катится к своим последним дням.

Глава 4. Дети Бишопа

Сайта у фирмы «За прекрасных дам» ещё толком не было — черновой каркас, одна страница с постером, который Хельга накануне отправила фрилансеру для вёрстки: силуэт, вязь Высокого по бокам, QR-код внизу. Хостинг взяли не местный, а заморский — у Большой Державы за океаном, где документы не спрашивают дважды.

Утром Киба устроился с ноутбуком в портовом кафе, заказал кофе и открыл сайт полюбоваться готовой работой — и замер на полпути.

Иероглифы на постере шевелились.

Не мигали, не бросались в глаза — ровно настолько, чтобы списать на усталость, если бы не одно «но»: строки будто дышали, медленно перетекая одна в другую, как чернила, ещё не высохшие на бумаге.

В технике Киба разбирался примерно никак. Он сделал единственное, что показалось разумным: позвонил фрилансеру с похвалой.

— Слушай, красиво вышло. Буквы живые сделал.

— Какие буквы? Я статику сдавал. У меня скрины сохранены — там всё неподвижно.

Он сфотографировал экран, переслал. Фрилансер долго молчал, попросил ещё один снимок, потом третий — «покажи, что у тебя во вкладке снизу». Киба послушно тыкал,

куда говорили.

А потом в трубке раздалось короткое, придушенное:
— Бляяя.

И тишина. Иконка мессенджера рядом с именем фрилансера на мгновение погасла, будто кто-то щёлкнул невидимым выключателем, а через секунду контакт исчез из списка, словно его никогда там и не было.

Хельге он позвонил первой.

— Прикинь, фрилансер слился. Контакт удалил, телефон вне зоны, почты не существует.

— Сосед мой, — коротко ответила она. — Похоже, уже бывший. Дверь на распашку, педаль в пол, пыль столбом. Ты что с ним сделал? Сто тридцать кило живого веса, а гопники на другую сторону улицы переходили, когда он просто в лавку за сигаретами шёл.

Скриншотов она не попросила — не разбиралась.

Оставшись один, Киба ещё раз открыл сайт. Буквы всё так же перетекали друг в друга. Разобрать до конца, наспех слепленная это шелуха или высокий штиль, которым владеют только придворные церемониймейстеры, он не мог — ни тем, ни другим не был. Херня какая-то, а не текст, хмыкнул он.

Но внизу, последней строкой, стояло одно, ясное:

«У самаурая нет цели...»

Строка обрывалась многоточием — не сообщением, а приглашением договорить самому. Он придвинул клавиату-

ру и, с ошибками в падежных окончаниях, набрал ответ:

«...только путь.»

Ответ пришёл почти сразу — на удивление чистым торгутским, без акцента:

«Верно)))»

Именно со скобками.

«Написано с ошибками, но по делу — этого достаточно. Любопытное чтение попало нам на днях. Формулировки устава одной свежей фирмы. Особенно про „может, а не обязан“. Ваша работа?»

А следом — «Красивое)))»

Он должен был насторожиться. Не насторожился — испытал ровно то, что испытывает автор, когда незнакомец хвалит его лучшую находку.

«Моя», — напечатал он и, уже не сдерживаясь, выложил остальное: про наклейки, про QR-коды, про подвыпивших матросов, не разбирающих Высокий, про деньги, текущие напрямиком в кабаки и бани.

«Опишите своими словами, как вы это видите целиком. От первого платежа до последнего евро.»

Ответ на этот раз пришёл не сразу, будто его читали медленно, разбирая по пунктам.

«По сути — работает. Три места держатся сейчас на честном слове, а должны — на коде. Первое: закон требует ответа и возврата средств в течение двадцати четырёх часов — ровно, не с копейками. Одна просрочка на пять минут — и

всё ваше „мы прозрачны“ разваливается в суде за секунду. Это не доверяют человеку, который может проспать. Это делает бот — автоматически, без возможности забыть.

Второе: публичные правила должны быть опубликованы до первого платежа, а не задним числом. Версии страницы фиксируются с таймметками — чтобы доказать, что было написано вчера, а что сегодня.

Третье — самое неприятное. Мы уже видели нечто похожее по духу. Человек, который это затевал, тоже был уверен, что всё продумал. От него остались обрывки в архивах — по которым мы кое-чему научились. Расскажем, если пригодится. Пока держите в голове: вы не первый.»

«Так вы поможете?» — набрал было Киба, но стёр — вопрос показался на редкость глупым.

«И что теперь? Что посоветуете?»

«Посоветуем сформулировать техзадание почётче и дать нам время. Нам интересно заняться технической частью — сайтом, ботом на возвраты, шифрованием. Мы не помогаем вам. Мы помогаем схеме. Схемы сейчас редкость. А эта — безупречна. А как нас называть — вы уже поняли.»

«Это вы сайт переделали и фрилансера спугнули?»

«Сайт — мы. Фрилансер — непонятное. Повода не давали.»

«А почему вы решили, что я могу вам доверять?»

«Вы же доверяли человеку, которого никогда не видели и который сбежал при первых признаках непонятного?»

«Логично. Непонятное — это вы? А вы кто?»

«Как нас называть? Зовите — Дети Бишопа...»

«А вы это кто?»

«А мы — ваш аналитический отдел. И немножко дело-производство, на первых порах.»

Многоточие после «Дети Бишопа» осталось в самом тексте — приглашение, не точка. Остальное они, кажется, придумали прямо сейчас, у него на глазах.

Он не успел набрать следующий вопрос, как приятный женский голос, знакомый по перелётам на аэро, произнёс со стороны, будто из ниоткуда:

— Внимание. Приближается Хельга ван дер... Предлагаю закончить сессию. Мы будем ждать вас.

Он посмотрел в окно кафе — и действительно увидел её, идущую через площадь быстрым деловым шагом.

— Фрилансер сбежал, сайт пока висит недоделанный, я сам найду, кто его допилит, — сказал он, когда она села напротив, быстрее, чем сам от себя ожидал. — Твоя зона — юридическая часть и перевод.

Хельга посмотрела чуть дольше, чем требовал простой ответ, но переспрашивать не стала.

Вечером Киба, слегка ошалевший от скорости происходящего, докладывал Деду.

— Сами вышли? — переспросил тот, не оборачиваясь.

— Сами. Через сайт. Ты про них слышал вообще? Дети Бишопа?

Дед потёр переносицу.

— Осколки империи — так говорят. А точно никто не знает. То ли люди, которые притворяются ИИ. То ли ИИ, которая притворяется людьми. То ли секта каких-то ролеви-ков-эмпэргэшников, доигравшихся до того, что роль стала реальнее них самих. То ли осколки спецслужб. То ли коктейль из всего сразу. А раз твой программист сбежал — а он был парень неплохой, я его знаю немного, — вряд ли кто-то удачно изобразил, что он и есть Бишоп. На такое подделку не купишь.

— Они спросили, что им надо взамен. И знаешь что? Ничего не взяли. Сказали — им просто интересно.

— Ого, — Дед приподнял бровь. — А почему им именно это интересно?

Развивать мысль он не стал.

— Но я бы на твоём месте не отказывался.

Neon Runner

Глава 5. Вексель

Слух дошёл до Векселя тем же путём, каким слухи в Тортуге доходили до всех и всегда — через десяток пересказов, каждый из которых честно старался передать суть и каждый раз безбожно её коверкал. Уцелело в этом ворохе одно: что-то серьёзное затевается, и Дед в этом деле как-то замешан. Этого зерна хватило с лихвой.

Он явился на веранду без предупреждения — грузный, вальяжный, с тростью, которой пользовался скорее для солидности, — и опустился в свободное кресло с видом человека, делающего это не в первый раз.

— Слышал, ты затеваешь что-то.

Дед скосил на него глаза, не отрываясь от газеты.

— Слухи у нас быстрее почты бегают. Только беда: почти всегда привирают.

— Может, и привирают, — не смутился Вексель. — Но денег ты не берёшь, я это твёрдо знаю. А должок за мной висит давно. Деньгами я его не закрою — оскорбишься ещё. А вот если у твоего молодого затейника найдётся дело, где нужен банк — чистый, с проводками, к которым инспекция не подкопается, — так вот он я. Готов рассчитаться.

— А со Стурландом у тебя, помнится, тоже старые счёты, — заметил Дед не как вопрос, а как утверждение.

Вексель поморщился, будто прикоснулся к старой мозоли.

— Хотел там дело поставить, задолго до языковой канители. Всё было готово — идеи, расчёты, годы труда. А потом кто-то наверху решил чуть поправить правила, для порядка. Поправили. И мои наработки оказались у людей, которых нужно было наградить за верность. Законно, комар носа не подточит. А осадочек остался.

— Значит, три причины сразу, — подытожил Дед. — Долг, обида и нюх на красивую схему.

— Веские, — согласился Вексель с достоинством. — Так что там у вашего молодого человека? Рассказывай, раз уж я пришёл.

Дед рассказал.

— Деньги должны заходить в банк с формулировкой «на развлечения» и выходить с той же самой, слово в слово, — заметил Вексель, выслушав. — Никакого зазора между заявленным и сделанным.

— Денег у него, может, скоро будет как у дурака фантиков, — продолжил Дед, — а толку с этих фантиков, если провести через систему грамотно некому. Ты нам нужен не деньгами. Ты нам нужен банком.

— За банком дело не станет, — Вексель довольно улыбнулся. — Излагай, не томи старика.

За окнами веранды в тот вечер было прохладно — март только начался. До майского вечера, когда всё это по-настоящему заработает на другом берегу пролива, было ещё далеко.

Глава 14. Первые всходы

Тёплым майским вечером, там, где заканчивалась платная парковка и начинались увеселительные заведения того толка, что вывесок стесняются, а туристов привечают, — стоял скромный, чинно припаркованный фургон. Никаких плакатов по всему борту, никакой аляповатости — просто одна большая магнитная наклейка, точь-в-точь та, что красовалась на обложке всей этой истории: силуэт, вязь по бокам, аккуратный QR внизу.

Первым к фургону подошёл матрос с лованского сухогруза — не за покупкой, а по нужде. Рядом пристроился местный стурландец, тоже по нужде, и с достоинством произнёс:

— У нас закон. Государственный язык. Каждый день радуюсь, что у нас, наконец, всё как положено.

Матрос, так и не разобрав текста, философски пожал плечами и пошёл дальше.

Стурландец же остался разбираться сам — потыкал в экран, страница неожиданно открылась: «За развлечения». Наткнулся на форму: «Заполните и подтвердите электронной подписью».

— Ага, — пробормотал он, глядя на часы. — А где мне сейчас ID и картридер для подписи взять? Ладно, завтра зайду.

К утру он благополучно забудет об этом эпизоде вовсе —

а заявка, начатая, но не завершённая, останется висеть в системе тихим хвостом.

Фургон остался стоять на месте — терпеливо, никуда не торопясь, — и поджидал следующего клиента.

Глава 15. Франшиза на колёсах

Идея с одним-единственным фургоном на набережной продержалась ровно неделю — после чего кто-то из аналитиков Детей Бишопа, разбирая накопленные логи по сканированиям, показал остальным простую диаграмму: один плакат на одной точке даёт столько-то переходов по QR в день. А если точек станет не одна, а сто — прирост будет не в сто раз больше, а в шестьдесят-семьдесят: рост нелинейный, но на этапе захвата рынка форсировать его всё равно есть смысл.

Изобретать собственную логистику никто не собирался. Схема легла ровно поверх обычной гиг-платформы: владелец кемпера или фургона регистрировался как исполнитель, принимал заказ на «патрулирование района» в назначенные часы, фотографировал установленную наклейку как подтверждение — и жал «старт». Оплата — по официальному курсу, что-то вроде тысячи литров топлива за две недели работы: при расходе кемперванов это было настоящим подарком, тем более что они и так стояли на этих точках постоянно.

Присутствие наклейки на маршруте, если у кого-то возникали сомнения, подтверждали городские камеры.

Параллельно с фургонами в дело пошли флаеры — чистый, промышленный объём. Город поделили на зоны ответственности между несколькими рекламными конторами —

у каждой зоны свой уникальный QR-код и отдельная статистика поступлений. Экономика оплаты подрядчикам держалась на двух механиках сразу: контора-подрядчик получала небольшую, но постоянную номинальную плату за сам факт распространения, а бегунки на местах — растущий процент от реального «выхлопа» с территории. Контора не хотела спускать вложенные в печать деньги впустую и следила, чтобы бегунки честно отработывали; бегунки, живя в основном с процента, сами были заинтересованы не сидеть на подсосу. Двойной взаимный контроль, без внешнего надзора.

Из этой же территориальной системы естественным образом проступила и картина успехов и провалов. У тюрьмы идея не взлетела вовсе, о чём в своё время предупреждал ещё Дед. Не взлетело и в элитном посёлке на окраине столицы — местные жители спокойно и осознанно её отвергли: просто не их формат. А узнав, на что именно фирма собирает и тратит деньги, кто-то из посёлка даже связался напрямую с предложением помочь, разделить расходы, а то и просто пожертвовать на «такое благое дело» — минуя всю рекламную воронку целиком. Ниточку эту команда решила пока не тянуть.

Глава 16. Первая проба

Первым заведением, куда фирма «За прекрасных дам» официально пришла тратить деньги, стало спокойное, вполне респектабельное спа в приличном районе столицы — из тех мест, о которых пишут в глянце, а не шепчутся по подворотням. Никакого разгула. Тихая деловая обкатка схемы.

Магнитная наклейка — та же, узнаваемая, с обложки — заняла всю входную дверь целиком, размером ровно с саму дверь.

Договорились быстро и буднично. Администратор, женщина немолодая, повидавшая всякое, выслушала предложение, дважды перечитала документы, задала три вопроса про порядок оплаты — и, не найдя, к чему придраться, кивнула.

В тот вечер каждой входящей даме у стойки проговаривали вслух, ровно и без тени смущения:

— Сегодня фирма, желающая остаться неузнанной, платит за развлечения красивых дам до двадцати двух часов.

Как самая обычная акция заведения — вроде скидки по будням.

Ни трансляций, ни камер. Осторожный, почти лабораторный тест: посмотреть, работает ли механизм на практике так же гладко, как на бумаге.

Результат зафиксировали на следующий день скромным платёжным документом. В акте оказанных услуг значились

«процедуры» и «развлекательная программа» — без лишних уточнений.

Вексель, получив счёт для проводки через банк, покрутил его в руках и хмыкнул одобритительно: комар носа не подточит.

Первая проба прошла тихо и успешно. О размахе пока речи не шло.

Глава 17. Выставочный сезон

Международная выставка «О достижениях народного хозяйства» открывалась в Стурланде раз в год и традиционно собирала толпы: делегации из Союза Старших Островов, любопытствующих лованцев, местных чиновников с супругами и армию мелких предпринимателей, надеющихся урвать хоть немного внимания у проходящей мимо публики.

У главного входа, там, где скапливались очереди на регистрацию и толпа неизбежно замедлялась, — идеальное место для флаеров. Фирма арендовала точку официально, через ту же территориальную сеть подрядчиков, что работала на неё в столице.

Здесь же впервые заметно проявился местный политик средней руки — из тех, кто вечно ищет повод оказаться в кадре рядом с любым заметным явлением. Сперва он разразился для прессы гневной тирадой про «падение нравов и покушение на культурные устои». Через два дня, выяснив, что тема набирает популярность в соцсетях, начал произносить прямо противоположные речи — про «смелый предпринимательский дух, который государству стоило бы поддерживать, а не душить бюрократией».

Отдельно отличился блогер — фигура собирательная, что-то среднее между рупором мнений и специалистом по быстрому обогащению советами, ведущий канал под лозун-

гом «разоблачаем схемы». Он снял эмоциональный ролик у стенда с флаерами, с искренним праведным гневом объясняя зрителям, как именно «эти негодяи» обманывают доверчивых граждан.

Ролик мог бы затеряться среди тысяч подобных — если бы не Дети Бишопа. Заметив всплеск, они аккуратно подтолкнули его вверх: легальные автоботы-комментаторы органично влились в обсуждение и помогли ролику подняться в топ рекомендаций. Блогер был счастлив — просмотры взлетели так, как не взлетали за весь предыдущий год существования канала. Он искренне полагал, что разоблачает зло. На деле каждый новый выпуск приводил на сайт фирмы всё больше зрителей, желающих лично убедиться, действительно ли всё настолько возмутительно, — и сканирующих для этого тот самый QR-код, который он же демонстрировал крупным планом.

Довольны оказались все причастные, каждый по своей причине: блогер — просмотрами, банк — растущим потоком поступлений, Киба — тем, что схема работает и без его личного участия, а прекрасные дамы — тем, что оплачиваемых фирмой мероприятий становилось всё больше. Простая истина обнажалась под этой механикой лайков и топов: цена внимания в интернете оказалась куда ниже, чем принято думать, — купить его или направить в нужную сторону было делом техники, а не подлинного общественного резонанса.

Отдельным пунктом программы значилось посольство

острова Тай — маленького, но гордого государства, известного либеральным отношением почти ко всему, включая ту специфическую категорию филателистов, что специализировались на марках несуществующих, исчезнувших или официально запрещённых государств. У ворот посольства, где по вечерам собиралась своя особая публика, флаеры расходились неожиданно бодро — здесь, судя по всему, никого не смущало вообще ничего.

Глава 18. Второго шанса не будет

К тому моменту, когда фирма решила перейти от осторожных проб к настоящему размаху, лето уже вошло в полную силу. Вместо очередного вечера в ночном заведении команда пошла на куда более масштабный шаг.

Сняли стадион. Целиком, на один вечер, под концерт популярной группы — той, что и сама по себе собрала бы аншлаг без всякой посторонней помощи. Все женские билеты фирма оплачивала полностью. У входа и по периметру трибун разместили фудтраки и договорились с несколькими стационарными кафе — еда и напитки для женщин тоже шли за счёт фирмы. В перерывах между отделениями концерта на разогреве публики отработали приглашённые танцоры. В конце вечера небо над стадионом расчертил праздничный салют.

Расходы, вопреки всем предварительным расчётам, оказались ниже запланированных — и вовсе не потому, что кто-то сэконобил на организации. Мужчины, к их чести, в массе своей упрямо продолжали настаивать, что сами заплатят за своих спутниц, отказываясь от предложения фирмы просто из принципа, из старомодной гордости. Бухгалтерия свела баланс с приятным удивлением.

Кто-то из команды, наблюдая за размахом мероприятия со стороны, не удержался и спросил вслух — не слишком ли

они, чего доброго, обнаглели.

— Входим в рынок, — ответил на это Вексель, по крайней мере, так это позже пересказывали, хотя сам он, если бы его спросили напрямую, вполне мог бы и не признать, что фраза принадлежит именно ему. — Второго шанса произвести первое впечатление у нас не будет.

Глава 19. Парус

Много лет назад, задолго до всей этой истории, прямо напротив президентского дворца Стурланда на якоре простояла около месяца одна занятная яхта. Каждое утро на её верхнюю палубу выходил слегка небритый мужчина в семейных трусах, закуривал самокрутку, неспешно пил кофе, глядя на набережную, — а в момент, когда на дворце поднимали государственный флаг, вытягивался и отдавал бодрый пионерский салют, после чего вздыхал и скрывался в надстройке. Яхта простояла свой месяц и ушла, а мемы и шутки ходили по городу ещё добрый год после этого.

Именно эту полузабытую городскую легенду кто-то из команды и извлёк из пыльного сундука коллективной памяти, предложив её слегка проапгрейдить под собственные нужды.

Идея была та же по духу: арендовать яхту, нанести на огромный парус изображение — тот же силуэт, ту же вязь, — и встать на якорь прямо напротив здания правительства.

И, разумеется, каждое утро на верхней палубе исправно появлялся тот же типаж — слегка небритый мужчина в семейных трусах, с чашкой кофе и самокруткой, спокойно созерцающий набережную. Это был Ф.

К борту яхты подошёл катер пограничной службы — вежливые, при исполнении, но без особой строгости в лицах.

— Документы, — коротко попросил старший.

Капитан — человек, для которого проверки давно стали делом привычным, будничным, как утренний кофе, — невозмутимо протянул папку. Его проверяли сотню раз кто угодно, и он давно перестал этому удивляться; спрашивать ничего сам не собирался — если есть, к чему придраться, придерутся, нет — так нет.

— Кто владелец? — спросил пограничник.

Капитан молча ткнул пальцем в документы.

— А фрахтователь?

Капитан ткнул в сторону палубы, где всё так же безмятежно попивал кофе небритый мужчина. Пояснений не требовалось — от пограничников ему было ничего не нужно, он был на своей яхте.

— Претензий у нас нет, — сказал пограничник наконец. — Но за нарушение... что-то там про моральный облик, традиционные ценности... я буду вынужден выписать штраф.

— Ну выписывайте, — невозмутимо кивнул капитан. — Обжалуем.

Пограничник помолчал, кивнул своим мыслям, чуть улыбнулся.

— Думаю, не стоит, — сказал он. — Вы в своём праве.

И направился обратно к катеру.

— Спасибо за службу, — сказал капитан ему вслед. — И спокойной вахты.

Пограничник обернулся, отдал честь и спустился в катер. Уходила яхта несколько дней спустя — тихо, но не без

предупреждений: снявшись с якоря рано утром, она направилась не в порт, а напрямик в нейтральные воды, туда, где заканчивались территориальные границы Стурланда. На корме гордо реял флаг заокеанского союзника — большого, далёкого, привычного глазу.

Катер береговой охраны нагнал яхту почти у самой границы территориальных вод.

— Проверьте регистрацию, — велел капитан катера радиосту.

И в этот момент флаг на корме неожиданно пошёл вниз — а на его месте медленно поднялся другой: морской флаг Неназываемой страны.

— Что за на... Пробей по базе, — приказал капитан.

— Пробиваю... — отозвался радист, и через минуту, слегка растерянно: — Тут странно. По ИМО — владелец сменился, регистрацию сменили минут тридцать назад. Сменился порт приписки, страна флага — всё разом. Как так-то? Что за чертовщина?

— В базе ИМО есть? — уточнил капитан.

— Есть.

— Докладывай оперативному. Пусть он на себя принимает решение.

Яхта неспешно уходила в море. Катер береговой охраны сопровождал её — но не приближался. Тронуть судно под новым флагом не значило нарваться на автоматическую защиту — значило нарваться на неизвестность, а неизвест-

ность оказалась страшнее любой гарантированной угрозы.

Поздним вечером того же дня раздался телефонный звонок. Ни один из собеседников не назвал другого по имени.

— Ну как? Сходили, посмотрели на замок, на город? — спросил Голос.

— Сходили. Посмотрели. Себя показали, — ответил Ф.
— Город всё тот же... скучаю по нему.

— И на вас посмотрели, — сказал Голос. — Вы всё ещё в форме. Вы натопали себе на новую яхту, можете начинать присматривать.

— Говорят, на Острове Короны есть неплохие модели, — сказал Ф.

— Присмотрите тогда заодно и для нас, — отозвался Голос, и в интонации послышалась лёгкая улыбка. — Для развлечения красивых женщин, разумеется. Традицию терять не стоит.

Глава 20. Проседание

Первым забеспокоился не человек, а таблица.

Лир заметил это раньше остальных — не потому что смотрел внимательнее, а потому что смотрел иначе: не на сумму за день, а на форму кривой. Кривая, ещё неделю назад уверенно ползшая вверх, вдруг начала заваливаться набок, как лодка, зачерпнувшая лишнего борта. Не обвал — просто усталость линии, которая слишком долго держала один и тот же наклон.

— Флаеры проседают, — сказал он в общий чат без предисловий. — Не критично. Пока.

— Насколько не критично? — уточнил Киба, не отрываясь от собственного экрана.

— Настолько, что если сидеть и смотреть, через три недели «не критично» превратится в «отдаём за распространение больше, чем получаем». Есть графики.

Киба посмотрел графики. Потом посмотрел на них ещё раз, будто вторая попытка могла изменить наклон линии силой одного взгляда.

— Режем, — сказал он наконец.

— Прямо сейчас? — переспросила Таня, одна из операторов ДБ. — Может, подождать, посмотреть недельку?

— Резать надо, пока не началось заражение, — ответил Киба, и в голосе у него прорезалась интонация, кото-

рую команда уже научилась узнавать — интонация человека, вспомнившего чей-то давний совет и наконец-то ему последовавшего. — Не дожидаясь перитонита.

Контракты с распространителями не продлили — без объяснений, без драмы, просто тихо не пришло новое письмо туда, где раньше приходило автоматически. Для большинства это осталось незамеченным шорохом на периферии их куда более шумной жизни. Но не для всех.

Глава 21. Про запас

Играли в шахматы у порта, за столиком, врытым в бетон. Вексель сам предложил — не кабинет.

— В кабинете разговаривают, когда есть что скрывать, — сказал он, расставляя фигуры. — А мы просто играем.

Киба сел, сделал первый ход не глядя.

— Растёте слишком заметно, — сказал Вексель. — Рано или поздно это замечают не только клиенты.

— Пока не наезжали.

— Вот именно «пока». И когда наедут — а наедут, вопрос времени — я хочу, чтобы у тебя уже всё было готово, а не чтобы ты в тот день первый раз услышал слова, которые я сейчас скажу.

Он подвинул фигуру, не глядя на доску.

— Первое. Как у тебя сейчас в платёжках назначение платежа прописано?

Киба пожал плечами.

— «На развлечения» было, — сказал Киба. — Но банк ругался, что нестандартная формулировка. Бухгалтер свёл к «оплате услуг».

— Вот это и приглашение, — ответил Вексель. — Надо не сводить, а расписывать: «оплата по договору номер такого-то от такого-то за разработку архитектуры баз данных согласно приложению два, пункт три»... Чем подробнее и за-

нудней — тем меньше у проверяющего желания разбираться дальше. Никто не хочет читать четыре строки бюрократии, если можно поставить галочку и закрыть вопрос.

Киба кивнул, полез в карман за телефоном, коротко черкнул себе записку.

— Второе. У вас все деньги на одном счету?

— Да, а что?

— А то, что если этот счёт заморозят — а замораживают обычно именно тот, что на виду, — у вас сразу встанет вообще всё: зарплаты, закупки, всё разом. Разноси по трём счетам. Один — только приём выручки, туда падают все поступления и больше ничего. Второй — оперативный, с него платите за всё текущее. Третий — вообще никуда не светится, туда откладываете часть на чёрный день и не трогаете. Арестуют первый — второй и третий продолжают жить, у вас есть время подумать.

— А если арестуют все три сразу?

— Тогда у тебя проблемы посерьёзнее, чем банковская защита, — сказал Вексель сухо. — Но такое бывает редко, обычно бьют по тому, что на виду.

Он взял слона — не для хода, просто держал в пальцах, глядя на фигуру.

— Это пока два. По информации, которая до меня доходит — а доходит она, ты знаешь откуда, — этого вам хватит на первое время. Дальше, если понадобится, скажу остальное.

Киба посмотрел на фигуру в его руке, потом на самого Векселя.

— А у тебя откуда уверенность, что понадобится?

Вексель не ответил прямо — поставил слона на доску и сделал ход.

— Играй, — сказал он. — Твой черёд.

Глава 22. Конфликт с подрядчиком

Один из подрядчиков — тот, что покрупнее, — успел к этому моменту заказать в Китае партию флаеров с запасом на два квартала вперёд, рассчитывая, что вечный, как ему казалось, поток продлится вечно, а закупка впрок обойдётся в четыре раза дешевле. Треть заказа уже пришла морем и лежала на складе аккуратными пачками. Остальное всё ещё качалось где-то в контейнере посреди океана, самой судьбе неведомое, что везёт уже никому не нужный товар.

Телефонный звонок в контору Хельги начался тихо и вежливо, а закончился уже совсем не так.

— У меня склад забит вашей же продукцией! — почти кричал голос на другом конце. — Вы обязаны это выкупить!

— Ничего мы не обязаны, — ответила Хельга ровно, листая перед собой копию договора. — Пункт девятый, подпункт третий: право отказа от продления без объяснения причин. Ваша подпись здесь, под этим самым пунктом.

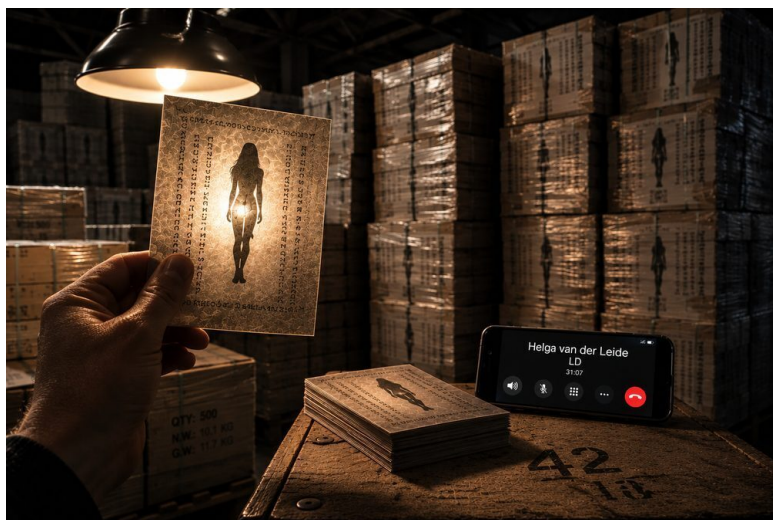
— Но у меня деньги вложены!

— Ваши деньги, — заметила Хельга, — ваш риск. Впрочем — специально для вас, раз уж вы позвонили первым, — предлагаем выкупить остаток по контрактной цене. Строгая проверка качества, как и было прописано с самого начала. Присылайте образцы.

Образцы, присланные назавтра, оказались напечатаны на

бумаге тоньше оговорённой — подрядчик, судя по всему, решил сэкономить ещё немного, раз уж партия и так была большая. Проверку они не прошли. Выкуп не состоялся. Подрядчик остался наедине со своим складом и своим гневом, а те его коллеги, что не пытались сэкономить на спичках, получили честную компенсацию за реализуемый остаток — плюс-минус справедливо, как и было обещано.

Куда девать выкупленное — команда пока не знала. Но, как выяснится позже, применение найдётся — просто не сейчас, и не здесь.

Глава 23. Карта

Экран расчертила таблица — колонки, цифры, дальше графики поверх неё. Лир начал без предисловий, голосом — ровным, немного дикторским.

— Свод по точкам за тридцать дней. Тут не одна цифра, а две, и путать их нельзя. Первая — сколько раз вообще отсканировали код. Вторая — сколько из этих сканов дошло до платежа. У каждой зоны свой код, данные чистые.

— Начинать с худшего, — сказал Киба.

— Квартал у порта, где рынок. Сканов много, платежей почти нет. Зеваки, не аудитория.

— Тюрьма?

— Ноль что по одному, что по другому. Дед был прав с самого начала.

— Туристический центр. Днём похоже на рынок — сканов полно, платежей почти нет. Но смотрите на вечер того же дня, с того же кода — платежи всё-таки приходят. Лаг часов шесть-восемь.

— То есть не ноль, просто отложенный эффект, — уточнил Киба.

— Именно. Днём сфоткал на память, вечером, где-нибудь в баре, дозрело. Код живой, не закрываем.

— А что хорошо работает? — спросила Хельга.

— Гостиница для командировочных чиновников. Сканов

немного, но платит почти каждый второй. Одно из лучших соотношений по городу.

— Логично, — вставила Хельга. — И скучно, и деньги есть, и стесняться особо некого.

— Суд и прокуратура. Сканов прилично, платежей тоже, но интереснее время: основная масса — строго после шести вечера.

Киба хмыкнул.

— Кто платит в обед — тот же вечером и объясняет дома, откуда деньги делись.

— Министерство обороны. Сканов мало, но стабильно, каждый день одна цифра плюс-минус два.

В чат прилетела строка без подписи, без голоса:

«индекс пиццы»

Киба поднял бровь.

— Это ещё что?

— Байка старая, — отозвался тот же безымянный собеседник. — По количеству заказов пиццы у некоторых серьёзных зданий ночью раньше судили, что там что-то происходит. Тут похоже: ровный фон — обычный день, скачок — можно присмотреться.

— Забавно, — сказал Киба. — Возьмём на заметку.

— Посольство Тая. Лучшее по абсолютным цифрам, — продолжил Лир. — Предсказуемо для такой публики.

— А красные фонари?

— Тут без сюрпризов. Силуэт цепляет с порога, текст

на Высоком только подогревает любопытство. Конверсия — лучшая по городу, обгоняет даже посольство.

Киба пролистал таблицу до конца, туда, где шли самые слабые строки.

— Эти закрываем, — сказал он. — Зевак-точку не трогаем, магнитки снимать не будем — если кто-то с ней катается сам по себе, нам не жалко, лишний охват задаром. Гостилицу, суд, минобороны, посольство, красные фонари — не трогаем. Туристический центр тоже оставляем, код живой.

— А караванчики? — спросил кто-то на линии.

— Никуда специально, — ответил Киба. — Они и так катались сами по себе, без плана. Просто задерём требования к машине — год выпуска, техосмотр, товарный вид, как у нормального такси. Кто соответствует — останется, кто нет — сам отвалится.

Киба посмотрел на итоговый список — шесть точек вместо прежних двадцати с лишним — и впервые за несколько недель почувствовал что-то похожее на спокойствие: не потому что стало меньше работы, а потому что то, что осталось, наконец было понятно, почему именно оно осталось.

Глава 24. 24 часа

Инструкция пришла весной — отдельным циркуляром Министерства языковой политики и регламента, с приложением в виде таблицы сроков и перечня санкций. Суть была проста: любой запрос, адресованный в рамках административного производства, подлежал рассмотрению и ответу в течение двадцати четырёх часов. Пропуск срока влек за собой административное взыскание, а при повторении — ответственность по статье о злоупотреблении служебным положением. В конторе не придали этому особого значения: циркуляры приходили регулярно, и бот-секретарь, правнук того самого автобота, что когда-то сортировал жалобы за пятьдесят копеек, аккуратно убрал документ в папку «Входящие — Министерства», проставив таймметку.

Прошло полгода.

Через протокольный ящик прошёл запрос одного из младших референтов министерства в собственный юридический отдел. Дело было совершенно другим — уточнение порядка оформления мотивировочной части при отказе в регистрации торгового знака. В приложении, среди прочего, значился вопрос: распространяется ли установленный инструкцией двадцатичетырёхчасовой срок на всех участников переписки? Ответ пришёл в тот же день, подписанный начальником отдела делопроизводства: «Да. Правила едины для всех».

участников административной переписки без исключения.»

Бот проставил таймметки, разложил документы по папкам «Входящие» и «Исходящие», связал их по внутреннему номеру дела и вернулся к сортировке жалоб.

Прошла ещё неделя.

В контору пришло очередное письмо — уже не циркуляр, а требование. Министерство, участвуя в качестве третьей стороны в рассмотрении жалобы частного лица на распространение рекламных материалов, запросило у КуАр копии договоров с подрядчиками за последний квартал. Срок на предоставление, согласно той же инструкции, — двадцать четыре часа. Письмо было зарегистрировано, получено, легло в очередь.

А вот ответ из министерства на предыдущий запрос конторы — уточнение по той же жалобе — так и не пришёл. Двадцать четыре часа истекли. Сорок восемь. Семьдесят два.

На третьи сутки бот, обрабатывая новое требование министерства, запустил внутренний алгоритм сверки. Он извлёк циркуляр о сроках, извлёк толковательный ответ о единстве правил, сопоставил статус отправителя с перечнем участников текущего дела, вычислил просрочку в семьдесят два часа и сформировал ответ.

Текст получился канцелярски безупречен.

«В соответствии с инструкцией от [дата], регламентирующей сроки административного производства, а также разъяснениями начальника отдела делопроизводства вашего ми-

нистерства от [дата], установленные правила распространяются на всех участников переписки без исключения. Учитывая, что министерство, являясь стороной в настоящем производстве, допустило просрочку ответа на запрос от [дата] на семьдесят два часа, считаем необходимым указать на факт нарушения установленного порядка. До урегулирования вопроса о последствиях данного нарушения приостанавливаем исполнение требования от [дата].»

Письмо ушло. Бот вернулся к сортировке.

СЮ сидел в кабинете, когда постучали. Молодой специалист из протокольного отдела стоял на пороге с распечаткой и лицом человека, который только что увидел чудо.

— У нас секретарь зажёг, — сказал он, протягивая бумагу.

СЮ взял. Прочитал. Положил на стол. Открыл терминал, вызвал архив переписки, проследил цепочку назад: циркуляр — запрос референта — толкование — текущее дело — просрочка — ответ. Документы лежали в разных папках, разных делах, разных кварталах. Никто не давал боту команды их связывать.

— Отправлено? — спросил он.

— Да, — молодой человек выглядел озадаченным. — Три часа назад.

— Ответили?

— Нет.

СЮ откинулся в кресле.

— Хорошо, — сказал он. — У них есть ещё двадцать один

час.

Глава 25. Мода на силуэт

Первой заметила парикмахерская у рынка — маленькая, на два кресла, хозяйка стригла сама. Кто-то из клиенток принесла на телефоне фотографию плаката, ткнула пальцем в контур:

— Вот такую хочу. Силуэт этот.

Хозяйка пожала плечами.

— Под Монику так под Монику.

Взялась за ножницы. К концу недели стрижка «под Монику» значилась в прайсе отдельной строкой, между «каре» и «каскадом».

Молодёжь пошла дальше стрижек. Магнитки с Моникой начали пропадать с фургонов быстрее, чем команда успевала их считать, — не крали в привычном смысле, а просто снимали и лепили на свои машины, на скутеры, на велосипеды. Кто-то наладил печать поддельных, чуть менее качественных, но издалека не отличить. Гоняться за этим никто не стал — К, узнав, только хмыкнул: пусть расползается, лишний охват задаром.

Пенсионерки восприняли моду серьёзнее всех. В квартале за рынком одна из них, лет пятидесяти пяти, прицепила магнитку на сумку и, проходя мимо стройки, услышала вслед:

— Девушка, а девушка!

Она обернулась не сразу — не была уверена, что это ей,

— а обернувшись, поняла, что да, ей, и весь остаток дня шла чуть иначе, чем обычно.

Мода на мини вернулась в том же сезоне — будто нарочно совпало. И вместе с ней сама Моника неожиданно переключалась с придорожных магниток на ткань: узнаваемый силуэт, вязь Высокого Стурландского по краю — всё это стало просто узором, вроде горошка или клетки, только с историей, которую никто уже не спрашивал.

Считывался текст или нет — не волновало вообще никого. Девушки в коротких юбках с этим самым принтом на подоле понятия не имели, что там написано, да и не задумывались — рисунок был красивый, вязь смотрелась загадочно, а то, что где-то на другом конце города по этому же контуру ещё и переводят деньги, не имело к их гардеробу никакого отношения. Один и тот же образ жил сразу в двух совершенно непересекающихся мирах.

Ателье, шившие эти юбки, о фирме К вообще никогда не слышали — просто скачали картинку откуда-то из интернета, показавшуюся стильной, и пустили в работу.

— Мы теперь ещё и в моде, оказывается, — сказал кто-то в чате, скинув фотографию с городской улицы.

— В какой моде? — спросил Киба.

— В смысле «в какой». Юбки. С нашей Моникой. Ты не видел?

Киба посмотрел на фото, хмыкнул, ничего не ответил.

Языковая инспекция о моде узнала одной из первых — и

это был день, который потом ещё долго вспоминали в кулуарах с плохо скрываемым восторгом. Мода расцвела не где-то за морем, а прямо здесь, в самом Стурланде, — там же, где инспекция годами с боем продавливала законы о чистоте языка, штрафовала вывески, заставляла переписывать этикетки. И вдруг тот самый Высокий Стурландский, который прежде удерживали живым исключительно циркулярами и переаттестациями, стал модным орнаментом сам по себе, без единого принуждения — молодёжь носила Монику на юбках, девушки красовались стрижками «под Монику» с рунической вязью на затылке, и никто их к этому не подталкивал.

— Вот оно, — сказал кто-то на внеочередном совещании инспекции, почти со слезой в голосе. — Вот доказательство. Мы не зря боролись. Народ сам, добровольно, потянулся к языку — значит, политика была верной с самого начала.

Один инспектор, по слухам, вписал в кварталный отчёт формулировку про «органическую популяризацию государственного языка методами массовой культуры» — и получил премию.

Дошло даже до персональной награды. Кто-то в инспекции решил, что у моды должен быть автор — а раз имя всплывало то тут, то там в статьях про принты, отследить оказалось несложно: солидное, известное на весь Стурланд дизайнерское бюро, из тех, что берут заказы у банков и министерств. Именно оно и делало первоначальный дизайн плаката — обычный коммерческий заказ, ничем не приме-

чателъный среди сотен других: один макет, четкое техническое задание, заранее согласованный текст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.